

“Сапфиры” оказались бижутерией

Present continuous мистера Би

Представим...Если бы Джордж Баланчин смог присутствовать на торжествах в честь своего столетия? Наверное, он испытал бы самую разнообразную гамму чувств. Во-первых, радость от всемирного масштаба праздника. Известно, что Мастер опасался забвения (после меня останется лишь памятник!) и не без сожаления считал искусство балетмейстера мимолетным. Во-вторых, гордость – поставленные им спектакли победно завоевали Отечество: ведущие российские коллективы достойно танцуют его балеты. В-третьих, не смог бы благодарно не отметить патриотической грузинской солидарности. Сам Георгий Баланчивадзе (для Запада со времен дягилевской антрепризы в Монте-Карло – Джордж Баланчин, а для американцев – Мистер Би) хоть и был человеком мира, и в Грузии жил недолго, историческую родину любил, ценил грузинские традиции и унаследовал немало прекрасных черт древнего народа.

В московской балетной биографии Баланчина первая страница была написана легкой рукой Нины Ананишвили. И вот теперь Маринская прима Ирма Ниорадзе (автор идеи и исполнительница главной партии) в тандеме с хореографом Георгием Алексидзе, чьи работы неизменно отличал тонкий танцевальный слух, продюсером Юча Чахидзе и композитором Дато Евгендзе сочинили новый опус под названием “Сапфиры!”. С Баланчиным их роднили национальные корни. Кавказскую компанию разбавили инородцы. В роли режиссера проекта выступил Андрис Лиела, который некоторое время был солистом труппы баланчинского New York City Ballet, и художник Александр Васильев, подобно Баланчину проживающий вдали от родных пенатов. Второй хореограф, осуществивший китчевую увертюру действия – Егор Дружинин, был приглашен, видимо, для того, чтобы современными красками оттенить строгость классики, а художник Анатолий Нежный оформил зрелище сверкающими голографическими эффектами и витиеватым задником. Феликс

Мендельсон попал в соавторы на правах классика.

В фабульную основу нового балета положен исторический факт. Когда-то, почти четыре десятилетия назад, Джордж Баланчин был потрясен великолепием коллекции знаменитого ювелира Клода Арпеля. Совершенство драгоценных камней вдохновило его на создание балета “Драгоценности”. Триптих представлял великие балетные державы, три мировые хореографические школы: Франция рисовалась “Изумрудами”, Америка представляла “Рубинами”, Россия искрилась “Бриллиантами”. Согласно записным книжкам Баланчина, в его замысел входило сочинение на тему сапфира. Эту идею и претворила в жизнь новая команда.

Благородная цель, однако, при своем воплощении рассыпалась как картонный домик. Сюжетный ход разыграли наивно, по-школьному ввели в предлагаемые обстоятельства: хозяйка ювелирного салона (Ирма Ниорадзе) кружится в водовороте танцев, механически двигаются ее гости, влюбленный Юноша (Илья Кузнецов) неловко изображает страдания сердечные,

горят всеми оттенками компьютерных изысков драгоценности, на сцене – музыкальная установка, за которой сочиняет-импровизирует Дато Евгендзе. Среди гостей – сам Мистер Би, которого танцует Михаил Лавровский (он же – третий хореограф), и в ком тоже кипит грузинская кровь. Оказавшись среди героев балетного повествования, хореограф в следующей сцене оправдывает свое появление тем, что танцует мини-вариацию, тема которой – “муки художника”. Конечно, в его фантазиях возникают сапфиры. Таков пролог к долгой череде бессюжетных балетных построений на музыку Мендельсона, призванных приблизиться к кристальной чистоте баланчинских метафор. Однако хрустальное совершенство Баланчина не поддается его апологетам, потому “стилизованный” лексика мистера Би оборачивается вполне традиционными комбинациями танцевальных па, сольных, дуэтных и групповых, известных всем, кто когда-либо посещал балетные уроки.

Танцевальная речь Баланчина, легкая и благородная, доказывала,

что возможности классики неисчерпаемы. Логика движений поднималась до абсолюта – танец становился прорывом в бесконечность и заставлял верить в то, что путь к совершенству нескончаем.

“Сапфиры” – новый балет о художнике, спектакль, построенный по принципу “театр в театре”, представляет ситуацию иначе – классический танец есть не что иное как рутина, набор штампов. Пользуясь вторым языком Баланчина, его время – *past perfect*. Тогда как классика в представлениях великого хореографа всегда занимала другую временную нишу – *present continuous*.

И если танцовщица Баланчина, безупречно владеющая неуловимой игрой танцевальных традиций, романтических легенд и изысканностью форм, – порода особая, генерация нового уровня, то об уровне танцовщиков “Сапфира”, собранных из разных городов и трупп, право слово, и говорить как-то неловко. Там, где женские чары вступают в диалог с мужским менталитетом, где нежности противостоит сила, одиночеству – сплоченность, происходит обидная подмена – стиль, эстетика, язык остаются вне сферы восприятия. Просто экзерсис для разогрева мышц, исполняемый к тому же профессионально несовершенно. Исключение – Ирма Ниорадзе, чей танец позволял хоть сколько-нибудь приблизиться к тайне, именуемой “баланчинский стиль”.

Во втором отделении танцевали настоящего Баланчина, и он тоже оказался “перевертышем”. Танцевали без самонадеянности, но и без понимания, словно отработывали выездной концерт. И хотя Анастасия Яценко, Мария Александрова и Андрей Болотин своими выступлениями отвечали торжественности момента, сам Баланчин так и остался в роли изгоя на собственном вечере: его не впустили в это помпезное, с апломбом предъявленное действо. Может быть – к лучшему.

Елена ФЕДОРЕНКО
Фото Игоря ЗАХАРКИНА
 (“Известия”)

И. Ниорадзе и М. Лавровский в сцене из спектакля “Сапфиры”

Кудьбура. 2001. - 13-19 мая - с. 13